

В ту эпоху люди всё ещё делились на сословия. Учёные мужи, земледельцы, ремесленники и торговцы — и именно купцы прозябали на самой низшей ступени этого незыблемого порядка.

Юнь Буши, по крайней мере, служил советником при ставке великого главнокомандующего Янчжоу. Пусть он и не обладал реальной властью, но всё же оставался человеком с положением в обществе. То, что Цзин Юньшу променял высокое призвание на презренную коммерцию, в глазах его родственника выглядело чистой воды падением. Неудивительно, что тот платил ему лишь холодным пренебрежением.

Впрочем, Великая Чжао знала золотой век. Сначала империя процветала под благодатным правлением девиза Чжэньгуань, а затем — в эпоху Фэнцян, когда волею великой императрицы У со всех концов земли к престолу стекались данники. Согласно указу «Фэнцян лин», в привычный уклад городских кварталов вмещались уличные лавки. Прежде торговые ряды прятались за высокими стенами, а по ночам ворота запирали наглухо, вводя строгий комендантский час. Теперь же товары текли рекой, в мегаполисах отменили ночные запреты, а торговое дело расцвело так, как никогда прежде.

Купцов, наконец, соизволили исключить из числа отверженных и причислили к свободным, добропорядочным подданным.

Что до слуг и рабынь, то в знатных семействах на службу шли и свободные люди из обедневших семей. Случалось, что под ярмо попадали и дети опальных чиновников, чьё имущество конфисковали за долги или измену. Однако в поместье Цзин Юньшу большинство слуг составляли те, кого в голодные годы продала отчаявшаяся родня, или круглые сироты, оставшиеся без крова. Стоило сделке о купле-продаже пройти через руки уездного чиновника, как человек на всю жизнь оказывался заперт в оковах рабского сословия. Освободить его могло лишь великодушие хозяина, готового выложить чиновникам целое состояние за смену кабального статуса. Но господа редко шли на такие траты, да и Цзин Юньшу не любил бросать деньги на ветер. Он не кичился своим положением и никогда не помыкал зависимыми людьми, но прекрасно понимал: жить в эту эпоху — значит плыть по течению. Те же, кто пытался упрямо бороться с историческим потоком, неизбежно тонули в его пучине.

От слуг требовалась лишь слепая преданность. Не держал Цзин Юньшу в своих руках их рабские грамоты, любые его начинания споткнулись бы о первую же преграду.

Сейчас он мог лишь дать им право выбора — остаться или уйти по доброй воле.

Обычные крестьяне во всём зависели от капризов неба. Из-за суровых законов о земледелии семьи редко росли, зерна вечно не хватало, и даже в самые сытые годы на обочинах дорог находили замёрзших бедняков. Попасть на службу в богатый дом для многих из них было спасением — верным и надёжным куском хлеба.

Цзин Юньшу долго присматривался к каждому, прежде чем принять окончательное решение. Сейчас его покой охраняли тридцать стражей первого ранга и восемьдесят — второго. В былые годы большинство из них были истощёнными подростками или неприкаянными юношами.

Юньшу приютил их, выходил и вырастил, вложив немало сил в то, чтобы сделать из них грозную силу. Зато нужды в служанках он почти не испытывал. За несколько лет в его покоях обосновались лишь пять старших горничных, десять младших служанок, десять кухонных девок и две рабыни из государства Силла. Для такого огромного поместья — сущая малость.

И этот порядок складывался далеко не один день.

На следующее утро Цзин Юньшу велел Чжили поговорить с Чжихуа и старшей кухаркой. Услышав волю господина, кухарка разрыдалась от благодарности: теперь, когда она состарится и уйдёт в мир иной, её приёмная дочь будет совершать поминальные обряды и курить благовония на её могиле.

Внутри поместья излишними церемониями пренебрегали. Выбрав благоприятный час, в присутствии самого Цзин Юньшу, Чжиянь поднесла Чжихуа чашку чая. Та опустилась на колени и со всем почтением преподнесла её названной матери. На глазах кухарки выступили слёзы. Подняв девушку с колен, она достала из-за пазухи аккуратно свёрнутый платок. Бережно развернув его, она явила миру простой нефритовый браслет весьма скромной работы.

— Доченька, — дрожащим от волнения голосом произнесла женщина, — у матери нет для тебя богатых даров. Мои родные дети сгинули во цвете лет, а следом болезнь унесла и мужа. Чтобы оплатить его лекарства, я продала всё, что у нас было, кроме этого браслета. Муж долго копил деньги, чтобы подарить его мне. Теперь я отдаю его тебе. Пусть он принесёт тебе счастье и покой.

Чжихуа попыталась вернуть украшение.

— Матушка, это слишком дорогая вещь. Я не могу её принять.

Кухарка мягко перехватила её запястье и сама надела браслет на тонкую руку девушки.

— Погляди, как красиво. И ничего он не дорогой. Всё равно после моей смерти он достался бы тебе. Прими это как материнское благословение.

Наблюдавший за ними Цзин Юньшу тепло улыбнулся.

— Раз это дар от чистого сердца, не отказывайся, — сказал он и перевёл взгляд на Чжимо.

Та шагнула вперёд, держа в руках лакированную шкатулку.

— В женских безделушках я мало что смыслю, — продолжил Юньшу. — Но твоя причёска в виде серебряного слитка так изящна, что радует мой взор. Я велел серебряных дел мастеру изготовить к ней подходящие шпильки. И прими эти десять лянов серебра как награду за твой отменный вкус.

Чжихуа бережно открыла шкатулку. Внутри лежали серебряные украшения тончайшей работы. Цзин Юньшу никогда не дарил служанкам золото — не хотел привлекать внимание грабителей, да и строго соблюдал семейную иерархию в наградах. Но даже эти изделия из простого серебра, созданные по его личным эскизам, стоили недёшево в городских лавках. Для его служанок такие подарки были величайшим знаком почёта.

Расплакавшись от переполнявшего её счастья, Чжихуа склонилась в глубоком поклоне.

— Премного благодарна вам, молодой господин!

Юньшу шутливо замахал руками.

— Ну полно, полно. Ступайте прочь, пока вы не затопили мне весь кабинет слезами. Иди к дядюшке Чэню, заberi своё серебро и купи себе что-нибудь по душе.

Чжихуа вскинула на него свои миндалевидные глаза, притворно надув губы.

— Господин!

Поняв, что хозяин действительно утомился, служанки почтительно поклонились и тихо вышли из комнаты.

Чжили лучше всех знала, что творится на душе у господина. Едва Чжихуа обрела названую мать, она сразу же отправилась к Дядюшке Чэню и старшему распорядителю Чэнь Ляну. С дядюшкой Чэнем всё было просто, а вот Чэнь Лян, обычно невозмутимый и немногословный, теперь стоял перед ней красный как рак и не мог вымолвить ни слова.

Глядя, как этот грозный и солидный мужчина теряет голову от смущения, Чжили прыснула в кулак.

— Наш молодой господин сказал, что его старшая горничная должна выйти замуж по всем правилам приличия, — с улыбкой проговорила она. — Он даже приданое для неё приготовит. Теперь, когда у неё есть мать, тебе нужно как можно скорее заслать сваху с первыми дарами. Спеша сопоставить ваши даты рождения. Весна и лето — лучшее время для свадеб. Как только отпразднуем Новый год, выберем самый счастливый день. Хозяин велел не скупиться — это ведь первая свадьба в нашей усадьбе.

Чэнь Лян лихорадочно закивал и попятился к дверям, готовый бежать прямо сейчас. Дядюшка Чэнь вовремя поймал его за плечо и со вздохом покачал головой.

— Сначала подготовь всё для поездки господина в Янчжоу. Вернись к делу, а о сватовстве не беспокойся — я сам обо всём позабочусь.

— Вот именно, — поддакнула Чжили. — С дядюшкой Чэнем дело точно не прогорит.

После полуденного сна Цзин Юньшу без всякого чинного величия сидел на кушетке, завернувшись в тёплое одеяло. Попивая чай, он лениво наблюдал, как служанки суетятся вокруг дорожных сундуков.

Чжили отложила в сторону пышную шубу из красно-бурой лисы.

— Она тёплая, господин наденет её в дорогу, — сказала она и обернулась к Чжэнь-нянь. — Чжэнь-нянь, сходи на кухню и напомни кухарке про дорожные сладости. Время нужно рассчитать в точности. Пусть подготовит продукты заранее, чтобы к нашему отъезду послезавтра всё было готово и подано с пылу с жару.

Глядя на их суету, Цзин Юньшу указал пальцем на свёрток в руках Чжимо.

— Возьмите только бумагу Юйкоу, перьевые ручки да чернила. Остальное оставьте. Мы ведь едем в Янчжоу, а не в глухую глушь. Там есть лавки. Вы что, решили перевезти туда всё наше поместье?

На словах хозяин казался непритязательным, но служанки знали: когда дело доходило до его привычек, господин становился капризнее любого вельможи. Чжили даже не удостоила его возражения ответом, продолжая укладывать вещи.

Взять хотя бы его постель. Какими бы роскошными ни были шелка в Янчжоу, им далеко до вещей из усадьбы в Юньане.

Покойная мать Чжэнь-нянь когда-то служила вышивальщицей в императорском дворце, и сама девушка унаследовала её редкое мастерство. Она вложила всю душу в создание шёлковой подушки с нефритом, которую сшила по особому рецепту божественного лекаря Цинь Юнвана.

Эта подушка была настоящим чудом. Двойной чехол из отборного шёлка был расшит серебряными нитями, складывающимися в узоры плывущих облаков, а края украшали тонкие пластины хотанского нефрита. Шёлк даровал покой и уберегал от сырости, а нефрит умирал жар, прояснял мысли и успокаивал дух. Внутри скрывался целебный сбор: сушёная белая хризантема, природный магнит, цветы альбиции, горец многоцветковый, аир, истод, фитильный ситник, гвоздика, белый сандал, красный женьшень, ископаемые кости и зубы древних животных. Этот лекарственный сбор возвращал покой его хрупкому сну, и без этой подушки Цзин Юньшу не мог провести ни единой ночи.

Чжили подумывала забрать даже медную кухонную утварь, зная, что в дороге господин скорее откажется от еды, чем притронется к дурно приготовленному блюду.

Цзин Юньшу потёр лоб, силясь вспомнить упущенную деталь.

— Кажется, я забыл спросить господина Циня. Я не видел его уже два дня. Он едет с нами?

— Да, — кивнула Чжили. — Лекарь Цинь всё это время провёл в своей лечебнице и не возвращался в усадьбу. Приказать слугам сходить за ним?

Цзин Юньшу покачал головой.

— Не нужно. Я и сам засиделся. Прогуляюсь до него и заодно спрошу.

Лечебница Ванцзи находилась неподалёку от усадьбы — не больше пятнадцати минут быстрым шагом, или двадцать, если не спешить.

Чжили тихо велела Чжихуа позвать Чжун И, а сама подошла к постели, чтобы помочь хозяину одеться. Когда она потянулась к тяжёлому лисьему плащу, Цзин Юньшу остановил её руку.

— Не надо. В нём тяжело идти, я быстро устану. Дай что-нибудь полегче, сегодня на улице чудесное солнце.

Девушка послушно достала стёганный плащ из белой парчи с кроличьей опушкой.

— Солнце солнцем, господин, но на дворе всё же зима, — мягко пожурела она, набрасывая плащ ему на плечи. — Вам нельзя простужаться.

Поправляя его воротник и приглаживая тёмные волосы, она заметила, как бледное лицо хозяина за последние дни наконец-то налилось здоровым румянцем.

"Слава богам, он идёт на поправку, — Чжили заново заколола его тёмные волосы, стараясь не выдать волнения."

Она была дочерью наложницы в доме мелкого уездного судьи. В усадьбе верховодила жестокая законная жена, а родная мать Чжили была слишком слаба и покорна, чтобы защитить своё дитя. С ранних лет девочка научилась читать по лицам, предугадывая чужие настроения. Хотя её и обучили грамоте, всё её детство свелось к борьбе за выживание. Позже её собственный отец, желая выслужиться перед влиятельным покровителем, растоптал остатки стыда и отдал её в наложницы дряхлому старику-чиновнику. При одной лишь мысли о морщинистом лице, которое уже наполовину пожрала могильная земля, Чжили до сих пор тошнило от омерзения и пережитого ужаса.

Она возненавидела отца лютой, ледяной ненавистью. Поняв, что её жизнь растоптана, она решила: если ей суждено сгореть, она утянет за собой в преисподнюю всю их семью.

Она терпеливо собирала доказательства грязных дел своего отца, а затем передала их его

покровителю, выставив главу семейства предателем. Самого же старого развратника она заманила в ловушку. Зная его привычку пить вино и развлекаться со служанками в купальне, она подмешала ему в кубок сильное снотворное. В ту ночь старик уснул прямо в горячем бассейне и больше не поднялся на поверхность.

Смерть списали на внезапный удар: у старого сластолюбца давно пошаливало сердце, а в купальне с ним было полно перепуганных девиц, готовых подтвердить несчастный случай. Яд, который Чжили нанесла на самое горлышко кувшина, старик выпил без остатка, так что в самом вине лекари ничего не нашли.

Чтобы избежать позора, влиятельная семья замяла дело. Несколько служанок тихо казнили, а весь гнев обрушили на уездного судью, который и привёл к ним строптивую девицу.

Судью лишили чина и имущества, а Чжили обратили в государственную рабыню. Если бы Цзин Юньшу случайно не проезжал мимо невольничьего рынка, её бы продали в казённый весёлый дом. В тот день она твёрдо решила уйти из жизни, если её постигнет эта участь. Она уже мысленно похоронила себя, не ожидая от погрязшего в пороках мира ни капли милосердия.

Она была лишь пустой оболочкой, влачащей жалкое существование.

Чжили ничего не утаила от своего спасителя. Но когда она поведала Цзин Юньшу о своих грехах, прекрасный, словно ясная луна, юноша лишь мягко улыбнулся.

— Всё уже в прошлом, — тихо произнёс он тогда. — Но твоя месть ещё не окончена. Придёт день, и мы вместе уничтожим того продажного чиновника. Договорились?

Он не оттолкнул её. Не стал читать нотации с высоты своего безупречного положения. Он протянул ей руку, разделил с ней её гнев и пообещал защиту.

Та улыбка, разогнавшая тучи в её израненной душе, стала для неё истинным спасением.

<http://bllate.org/book/18296/1758818>